

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)46-8
Ч-15

Чайковская, Ольга Георгиевна.

Ч-15 Екатерина Великая. Императрица: царствование Екатерины II / Ольга Чайковская. — Москва : Эксмо : Яуза, 2019. — 384 с. — (Супер-премьеры кино и ТВ).

ISBN 978-5-04-108840-8

К ПРЕМЬЕРЕ СЕРИАЛА КАНАЛА НВО «ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ» И ДОЛГОЖДАННОМУ ПРОДОЛЖЕНИЮ СЕРИАЛА «ЕКАТЕРИНА» НА КАНАЛЕ «РОССИЯ»!

Ее 34-летнее царствование по праву величают «золотым веком» Российской империи, а ее саму — лучшей из императриц. Победы и свершения Екатерины Великой прославлены в веках, именно она превратила Россию в сверхдержаву, в которой, по словам «екатеринских орлов», «ни одна пушка в Европе без нашего разрешения выстрелить не могла».

Эта книга — не только замечательная биография гениальной императрицы, но также история любви стойкой и смелой женщины, которая под бриллиантовой короной, золотой мантией и царскими регалиями прежде всего оставалась человеком со своими слабостями и страстями.

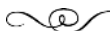
Имена людей, сыгравших свою роль в становлении и жизни великой императрицы, навечно вписаны в русскую историю золотом, а их заслуги перед Отечеством неоспоримы.

УДК 929(470)
ББК 63.3(2)46-8

ISBN 978-5-04-108840-8

© Чайковская О. Г., 2019
© ООО «Издательство «Яуза», 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Они сидят на подоконнике, очень высоком, их ноги до полу не достают. Сидят притихшие, не спуская глаз с двери напротив.

Он постарше, но мал ростом, щеделушен и ребячлив. Она, вытянувшаяся за время болезни, худа, как скелет, и (так думает она сама) страшна, как смертный грех. За те несколько месяцев, что она в России, они уже привыкли друг к другу, и он, ее жених, поведал ей великую тайну: он влюблен во фрейлину Лопухину и хотел бы на ней жениться, но увы, она удалена от двора. Девочка знает, с матерью этой фрейлины произошло что-то ужасное — кажется, ее казнили страшной казнью, немудрено, что дочь удалена от двора. Зачем же на ней жениться? Ее ничуть не огорчило, что он ей, своей невесте, рассказывал, как любит другую; она уже поняла: этот мальчик не так-то ей и нужен, зато ей очень нужна российская корона.

И вот теперь, притихшие, сидят они на подоконнике, а прямо против них дверь, там идет разговор, который должен решить их судьбу.

— Если ваша мать и виновата, — говорит он, — это не значит, что вы тоже виноваты.

— Она моя мать, — отвечает девочка.

Но все-таки они дети и начинают болтать о постороннем, смеяться потихоньку, а потом и вовсе хохотать.

Резко распахнувшаяся дверь застает их врасплох, к ним выходит граф Лесток, приближенный императрицы.

— Этому шумному веселью скоро конец, — говорит он и поворачивается к девочке: — Вам пора собираться, вы возвращаетесь домой.

Она ничего не может понять — ее так хорошо встречали в России, она изо всех сил учит русский язык, зубрит по ночам... Ужас все больше овладевает ею: значит, теперь с позором тащиться обратно в Германию?..

Она не может произнести ни слова, мальчик пытается узнать у Лестока, что случилось.

— Сейчас узнаете, — говорит тот и уходит.

Теперь они и вовсе притихли.

Наконец в дверях появилась сама Елизавета Петровна, она, как видно, в большом гневе. Дети поспешно спрыгивают с подоконника. Императрица остановилась, посмотрела на них, улыбнулась, поцеловала сперва одну, потом другого и пошла, шума платьем.

Может быть, все-таки они не уезжают?

Но вид матери (она вышла вслед за императрицей), ее красное, мокрое от слез лицо говорят ей: нет, уезжают.

Вот они и появились перед нами (вместе с той тревогой, в которой живут непрерывно) — участники будущих трагедий: императрица Елизавета Петровна, ее наследник великий князь Петр Федорович и та, которую все еще зовут Софией Фредерикой Августой, принцессой Ангальт-Цербстской, и которая скоро станет Екатериной и русской великой княгиней (ее мать мы оставим в стороне, она скоро уедет и больше никогда не увидит своей дочери). Итак — трое, и начнем мы, конечно, с Елизаветы Петровны, она сейчас хозяйка положения.

У нее прочная историческая репутация: была очень весела, очень легкомысленна, страстно любила балы и роскошь туалетов (говорят, никогда дважды не надевала одно и то же платье, а переодевалась несколько раз на день, это значит — многотысячный гардероб); была также редкостно невежественна и несколько злоупотребляла токайским вином.

Екатерина в Записках рисует другой портрет, куда более интересный.

Елизавета Петровна была хороша собой, пишет Екатерина, так хороша, что глаз не отвести (все бы смотреть и смотреть! — особенно когда императрица в мужском костюме танцует менуэт).

Но характер ее был странный, и образ жизни — удивителен. Ее отличали крайнее непостоянство и резкая смена настроений. «Никто никогда не знал часа, когда Ее Величеству угодно будет обедать или ужинать, и часто случалось, что придворные, проиграв в карты (единственное их развлечение) до двух часов ночи, ложились спать, и только что они успевали заснуть, как их будили для того, чтобы присутствовать на ужине Ее Величества, они являлись туда, и так как они сидели за столом очень долго, а все они, усталые и полусонные, не говорили ни слова, то императрица сердилась, говоря: «Они любят быть только в своей компании; я их так редко зову, да и то они только и делают, что зевают и нисколько не хотят развлечь меня». Эти ужины иногда кончались тем, что императрица бросала на стол салфетку и уходила.

Между тем, продолжает Екатерина, «говорить в присутствии Ее Величества было задачей не менее трудной, чем знать ее обеденный час. Было множество тем разговора, которых она не любила; например, не следовало совсем говорить ни о прусском короле, ни о Вольтере, ни о болезнях, ни о покойниках, ни о красивых женщинах, ни о французских манерах, ни о науке; все эти предметы разговора ей не нравились. Кроме того, у нее было множество суеверий, которых не следовало оскорблять».

Елизавета встретила юную Ангальт-Цербстскую принцессу очень ласково и в первое время была к ней внимательна и сердечна (и плакала, когда девочка заболела), но впоследствии так круто взялась за нее, что жизнь юной великой княгини стала каторгой. И все же, вспоминая свою жестокую тюремщицу, Екатерина отзывается о ней очень мягко и, главное, старается понять этот характер и правдиво его описать.

Она была умна, пишет Екатерина, и добра, и строй чувств имела возвышенный, но тщеславна, хотела блистать, всех затмевая; ее красота и врожденная лень, несомненно, испор-

тили ее природный характер. Казалось бы, с такой красотой ей не страшно было никакое соперничество, тем не менее «все женщины, не слишком безобразные», вызывали в ней раздражение, а ревность часто толкала ее «на мелочные поступки, недостойные Величества».

Она получила дурное воспитание, поскольку была незаконнорожденной (и считалась таковой до тех пор, пока Петр не короновал свою вторую жену Екатерину), а природная лень помешала ей заняться самообразованием. «Льстецы и сплетницы довершили дело», ее жизнь стала «цепью капризов, ханжества и распущенности, а так как она не имела ни одного твердого принципа и не была занята ни одним серьезным и солидным делом, то при ее большом уме она впадала в такую скуку, что в последние годы своей жизни она не могла найти лучшего средства, чтобы развлечься, как спать, сколько могла; остальное время женщина, специально для этого приставленная, рассказывала ей сказки». Так о Елизавете писала Екатерина.

Одно можно сказать о Елизавете Петровне с уверенностью: она была лихорадочна, не умела долго оставаться в покое. Несмотря на свою неистовую набожность, даже в церкви переходила с места на место (для нее поэтому ставили два-три царских места). Вечно куда-то мчалась, то в Москву, то в загородный дворец к кому-нибудь погостить, то на богомолье — при этом коней гнала бешено, и двор за ней не поспевал. Спала то в одной спальне, то в другой, но все равно покоя ей не было, во сне стонала и металась, а если положить ей руку на лоб и сказать тихо: «Лебедь белая», — успокаивалась; поэтому к ней был приставлен специальный человек, который клал ей руку на лоб, говорил: «Лебедь белая», и она засыпала¹.

¹ Кстати, покажем, как работает иной автор исторического романа с подлинным жизненным материалом. Эпизод с «лебедью белой», в сущности, лирический, В. Пикуль изложил так. Елизавета, «простоволосая и распаренная», валяется в продавленных пуховиках, вошел придворный истопник и с криком: «Эх ты, лебедь белая!», «вдруг чмокнул императрицу в румяную пятку, торчавшую из кружев». Подобных «румяных пяток» в романах и данного автора, и многих других — видимо-невидимо. Самое ужасное в том, что читатели эти «пятки» заглатывают, не протестуя и не сопротивляясь.

Была она мягкосердечна: когда ворвалась со своими гвардейцами в покои, где находилась Анна Леопольдовна, правительница, со своим сыном, годовалым императором, сама вынула его из колыбели и со слезами на глазах поцеловала; но тут же, у колыбели, отдала маленького императора в руки тюремщиков (он, пережив Елизавету Петровну, так и погиб в тюрьме, о чем у нас речь впереди).

Ее доброта и сердечность не были напускными: придя к власти, она поклялась, что при ней ни один человек не погибнет на плахе, и сдержала свое слово. Правда, была одна история, которая уж никак с мягкосердечием не совмещается. В начале царствования, когда трон ее был еще очень неустойчив и при дворе шла грызня партий, в ходе этой грызни был сфабрикован заговор, известный как «дело Лопухиных», весь построенный на доносах и пыточных речах.

Род Лопухиных был оппозиционен Петру и его потомкам. Из Лопухиных была первая жена Петра, которую он насильно отправил в монастырь; их сын, царевич Алексей, казненный отцом, в глазах многих был бы законным царем, в то время как она, Елизавета, дочь безродной литовской служанки, законной наследницей престола не была. Но, может быть, вся суть этого дела заключалась в личности княгини Натальи Федоровны Лопухиной.

Она была признанной красавицей, говорят, затмевала Елизавету на балах императрицы Анны; была любезна, что на языке эпохи значило — обаятельна, да к тому же еще и образованна.

Много темного и злого проснулось тогда в душе Елизаветы — и подозрительность (нет ли тут действительно заговора, грозящего ее власти), и едва ли не врожденная ненависть к Лопухиным, и лютая зависть к знаменитой красавице. Нет, она не согласилась на смертную казнь, но придумала такую, что уж лучше бы просто отрубила княгине голову. Ее, красавицу, умницу (и статс-даму), били на площади кнутом, потом отрезали язык (и ее сыну, и ее мужу) и сослали в Сибирь (о ней-то и шла речь между Екатериной и ее женихом, когда мальчик признался, что влюблен в дочь Натальи Федоровны и готов на ней жениться, а девочка удивлялась его безрассудству).

И все же, придя к власти, Елизавета Петровна поклялась, что при ней никто не будет «казнен смертью». Даже своего заклятого врага графа Миниха она не казнила, но и тут не удержалась и провела его через всю процедуру казни — ему сообщили о помиловании, когда он уже положил голову на плаху.

Та звериная жестокость, какую обнаружила она в деле Лопухиных, проснулась в ней только однажды, но мелкие жестокости могли случиться в любую минуту, и фрейлины ее, те, у кого были особенно красивые прически, плакали, жалуясь, что ее величество ножницами собственноручно срезает им локоны, прихватывая при этом и кусочки кожи.

Странной женщиной была Елизавета Петровна, и юмор у нее, а манера шутить во многом определяет человека, был странный.

Великий князь, о котором говорили, что он ухаживает за всеми женщинами, кроме своей жены, стал оказывать усиленное внимание баронессе Марфе Шафировой. Однажды в Новый год императрица за обедом спросила, что это там сидит за особа, такая тощая и с журавлиной шеей. Ей назвали Шафирову, она расхохоталась и ответила пословицей: шейка тонка, на виселицу годна. Славная шутка тотчас полетела по всему двору и пользовалась большим успехом.

Да, странной женщиной была Елизавета Петровна; и, уж во всяком случае, веселой ее не назовешь. Официальные портреты изображают ее недвижимой куклой в горностаевой мантии, в бриллиантах и огромных фижмах. Но есть один портрет, гравированный дивным мастером, рано умершим Евграфом Чемесовым, — вещь редкой красоты и тончайшего психологизма. В мягком привлекательном лице царицы художник различил и нервную неустойчивость, и тайную тревогу.

* * *

Король откинулся на спинку кресла и закрыл лицо руками. Все, бывшие за пиршественным столом, повскакивали со своих мест. Лейб-медик напрасно пытался нащупать пульс. Нет, король был жив, но его снедала глубокая тоска. И королева бросилась к его ногам. «О, мой царственный супруг! —

воскликнула она. — О, какое горе пришлось вам вынести! Взгляните: виновница у ваших ног!»

Эта сцена, столь же трагическая, сколь трогательная, была результатом ряда событий. Дело в том, что у короля родилась дочь, по этому случаю предполагались большие торжества (тем более что в стране уже начали колоть свиной), и он попросил королеву лично заняться приготовлением знаменитых в их королевстве колбас. Когда из кухни пошел восхитительный запах колбасного навару, король, не вытерпев, прервал заседание государственного совета, отправился на кухню, помешал немножко своим скипетром в котле и, успокоенный, вернулся в зал (разумеется, я рассказываю гофманского «Щелкунчика»). Король, который мешал скипетром в котле с колбасным наваром, мог родиться только в Германии XVIII века, раздробленной на крошечные государства — королевства и княжества с их особым характером: огромные амбиции — и крошечная территория, громкий титул, пышный герб — и узость кругозора. Своя армия со сверхстрогой дисциплиной, двор со сверхчопорным этикетом, дворец, который пытается подражать Версалью, — и полунищета.

К XVIII веку немецкие князья стали абсолютными монархами, и каждый самостоятельно мешал скипетром в собственном колбасном наваре.

В немецких княжествах росли выгодные невесты: европейские государи получали в жены высокородных принцесс, за которыми не было ни сильного государства, ни могущественной родни. На немецких принцесс был огромный спрос, их в германских княжествах стали растить «на продажу», как крестьянин выращивал у себя на грядках овощи, чтобы нести их в соседний барский дом. Из таких принцесс и наша Екатерина.

Петр I, и тут перенимая европейский обычай, послал царевича Алексея в Германию выбрать себе жену, а тот отчаянно не хотел такого брака, ему нужна была русская и православная. Царевич все тянул, надеялся, что отец передумает, но Петр требовал, давил, и Алексей выбрал принцессу Шарлотту Вольфенбюттельскую, надеясь, что она будет «добр человек» (она, по его словам, оказалась «чертовкой»). С тех пор

до самой революции русские цари и великие князья искали жен в немецких княжеских фамилиях.

Поскольку армии немецких принцев не воевали, воинственность этих государей проявлялась главным образом в военной муштре и военных парадах. Мелкие подробности военной службы стали их главной целью.

Длина косы, специально выверенная, форма буклей, толщина слоя пудры, мундир, не позволявший ни повернуться, ни дышать, но который должен был быть без единой складки; пуговицы и пряжки, непременно начищенные до блеска. Тяжелые ботфорты, нелепый шаг, сложнейшие фигуры и позиции, которые необходимо было оттачивать, маневры, требовавшие неслыханной слаженности. Голштиния, где родился Карл-Петр-Ульрих, была именно таким крошечным немецким государством, мальчик жил в этом мирке, в тисках той же дисциплины (вплоть до телесных наказаний). Он был не только задавлен ею, этой военной дисциплиной, он был ею пленен и служил ей изо всех своих маленьких детских сил.

При дворе герцога Голштинского званый обед, он проходит со всей положенной церемонностью. А принц Ульрих (ему девять) тут же стоит у дверей на часах. Он мал ростом и слаб здоровьем, ему трудно так долго стоять, но он, разумеется, и помыслить не может о том, чтобы подойти к отцу, — мальчик понимает: он на службе. А впрочем, если бы он и не был в тот час назначен в караул, ему все равно нельзя сесть за стол: не вышел чином — все еще унтер-офицер.

Он не только устал, он еще и голоден и с тоской смотрит на тех, кто за столом поглощает вкусные кушанья. И вдруг — о чудо! Отец позвал его к себе, «поздравил лейтенантом» и пригласил к столу — «по его новому чину». Мальчик был так потрясен этим повышением в чине, что почти ничего не мог есть. То был самый счастливый день в его жизни (так рассказал он сам уже в России своему наставнику).

Ему еще и потому пришлось нелегко, этому маленькому герцогу, что сперва его готовили в наследники шведского престола, учили шведскому, обучали основам лютеранской религии, делали из него шведского патриота, традиционно ненавидящего Россию. Когда стало известно, что Елизавета Петровна собирается объявить его своим наследником,

мальчика принялись переучивать в духе патриотизма российского и преподавать ему православие. Маленький герцог был совершенно сбит с толку.

Конечно, он был потрясен, когда из своего тесного, но прочного мирка, где царил неукоснительный порядок, попал в хаос елизаветинского двора. Эти ночи, превращенные в дни, эти непрерывные балы, которые могли быть прерваны в самый разгар, потому что царица вздумала собираться и куда-то ехать — и они все едут, чтобы вернуться с полдороги. Бешено скакали кони государыни, за ней, как могли, поспешали ее придворные — она таскала за собой свой двор, и Екатерина с Петром обязаны были тащиться тоже. Императрица останавливалась во дворце, а придворные — как придется, то во флигелях, то в прачечных или пекарнях, а то и просто неподалеку раскидывались палатки (и когда шел дождь, ножки кроватей стояли в воде). Флигеля, которые отводились придворным, как правило, были ветхими, там трещали балки и полы ходили ходуном.

Чаще всего Елизавета Петровна ездила в имение Алексея Разумовского, своего давнего возлюбленного (и, если верить весьма устойчивым слухам, морганатического мужа). Екатерина и Петр облюбовали здесь себе большой двухэтажный деревянный дом, из окон которого открывался замечательный вид. Ночью в спальню Екатерины ворвался один из придворных и сказал: надо спасаться, фундамент дома опускается. Не успела она одеться, как послышался шум, «подобный тому, какой производит линейное судно, спускаясь с верфи», и тут же все они повалились на пол, который стал двигаться, как палуба в бурную погоду. Вбежал сержант Преображенского полка Левашов, схватил Екатерину на руки и вынес из дома, в котором уже рушились печи и откуда вскоре понесут раненых и мертвых. Жертв было бы куда больше, пишет Екатерина, если бы сержант Левашов не поднял тревоги.

Немного погодя их позвала к себе императрица, и Екатерина стала просить у нее награды для мужественного сержанта, но Елизавета только косо взглянула и не произнесла ни слова. Она не желала слышать о несчастье. Зато Разумовский был в отчаянии, хотел застрелиться, за обедом, рыдая, поднял тост за собственную погибель — и Елизавета была тронута до слез.

Этот дом, принадлежавший одному из самых богатых и блестящих вельмож России и рухнувший за одну ночь, весь ужас тех часов, раненые и убитые; императрица, которая ничего не хотела знать о катастрофе (зато бросила в крепость несколько ни в чем не повинных слуг), — все это казалось знаком того великого беспорядка, который царил не только при дворе, но и во всей России.

Как же должен был все это ненавидеть немецкий мальчик, привыкший к прочности и порядку! Он тосковал и говорил, что предпочел бы уехать в Швецию. Он не хотел учиться русскому языку, не желал ходить в православную церковь — после простоты лютеранского храма пышность православного, с его огромным золоченым иконостасом, драгоценными окладами икон, сиянием паникадил, его раздражала; вместо строгих лютеранских пасторов с их бритыми лицами и черными одеждами русские священники, бородатые, кудлатые, громогласные, в сверкающих ризах — ничего этого он принять не мог.

Чем дольше он жил в России, тем дороже становилась ему родная Голштиния. «Сей князь питал необычайную страсть к этому клочку земли», — пишет Екатерина с явным неодобрением. Он был счастлив, когда встречал земляка, мог часами рассказывать о родной земле, которую покинул, когда ему было лет двенадцать-тринадцать, и, по уверению той же Екатерины, плел о ней всяческие небылицы.

Однажды ночью по дороге из Москвы в Петербург встретились две кареты, обе мчали во весь опор. Они остановились на мгновение и понеслись дальше. Дело в том, что Елизавета оставила двор в селе Хотилове, поскольку великий князь прихворнул, а сама погнала в Петербург. Между тем в ее отсутствие обнаружилось, что у Петра Федоровича оспа, и Иоганна Елизавета, мать Екатерины, тотчас велела запрягать, схватила дочь и помчалась следом за императрицей (в чем мы герцогиню Ангальт-Цербстскую не можем упрекнуть). Ночью на дороге кареты встретились, потому что Елизавета Петровна повернула и теперь, пишет Екатерина, «во весь дух мчалась к великому князю и оставалась с ним во время всей его долгой болезни». Как видно, она этого мальчика любила, если ради него готова была рисковать жизнью и красотой.

Когда наследник престола вновь появился при дворе, он был так страшен, что Екатерина, впервые встретившись с ним, едва могла скрыть свой ужас. (Так впервые повстречалась она с оспой и увидела, как беспощадна эта болезнь, даже если оставляет в живых. Она боялась ее панически всю жизнь — до того дня, пока не решила вступить с ней в открытую борьбу.)

А великий князь? К постоянному раздражению, в котором он жил, прибавилось еще и ужасное сознание собственного уродства. Кажется, единственное спасение его состояло в том, что он был ребячлив, — и ушел в мир, где ему, надо думать, было всего легче жить.

Он забавлялся тем, «что обучал военному делу своих лакеев, камердинеров, карлов (кажется, и у меня был чин), — пишет Екатерина, — упражнял их и муштровал: то раздавал им чины и отличия, то лишал их всего: смотря по тому, как вздумается. Это были настоящие детские игры». В Петергофе, где все было на виду и великий князь не смел муштровать своих слуг, он обучал военному делу жену. «Благодаря ему, — пишет Екатерина, — я до сих пор умею исполнять все ружейные приемы с точностью самого опытного гренадера».

Но все же войско, состоящее из лакеев и шутов, было неповоротливо и пассивно (а тут еще присутствие ироничной жены). Игрушечные солдаты, офицеры и генералы были куда сообразительней и поворотливей, выполняли нужные маневры, смело шли в атаку и приступом брали игрушечные крепости.

«Барабанщик, мой верный вассал, бей общее наступление! — громко скомандовал Щелкунчик.

И тотчас барабанщик начал выбивать дробь искуснейшим манером...

И начался бой! Полки выстроились в боевом порядке, пушки выехали вперед и пошли бухать: «бум-бум!» А мыши во главе со своим королем визжали...»

В сознании голштинского принца, а ныне российского великого князя поселилась такая вот фантастика, только она была вовсе не так весела, как гофманская, так как отдавала болезнью, а подчас приобретала и сумрачный характер. А тема грызунов тут обернулась уже вовсе кошмарным спектаклем.